

Родная старина

Книга 2 Отечественная история
с XIV по XVI столетие

Родная старина

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
В РАССКАЗАХ И КАРТИНАХ

Книга 2

Составил В.Д. Сиповский

Родная старина

Отечественная история в рассказах и картинах

Книга 2

Составил В.Д. Сиповский

Редактор Т. Кислицына
Дизайн, верстка: О. Кравчук
Корректор Г. Алексеева
Цветокоррекция Ю. Чепелева

ISBN 978-5-7793-1100-7

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

ООО «БЕЛЫЙ ГОРОД»

111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-2650, 780-3911
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь
по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2.
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-4338
192007, Санкт-Петербург,
ул. Тамбовская, д. 17, эт. 3
Тел.: (812) 766-3393, 766-5806
394018, Воронеж, ул. Станкевича, д. 1
Тел. (4732) 765-059

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город» представлен
на сайте: www.belygorod.ru

Вы можете заказать
бесплатный каталог издательства
«Белый город»
по тел.: (495) 304-4338, 780-3911

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Дата подписания в печать 03.06.2009.
Гарнитура NewBaskervilleС. Печать офсет
Формат 84 x 108 1/16. Тираж 4 000 экз.
Заказ № 0910900.

Вторая часть книги «Родная старина», впервые опубликованная в Санкт-Петербурге в 1879 году под редакцией В.Д. Сиповского, охватывает важный период истории нашего Отечества, связанный с усилением Москвы, а с нею и всей Руси.

Благодаря своей верности христианской вере Русь, после печального падения Византии, становится главной хранительницей Православия в мире. Решительно сбрасывает с себя татарское иго, покоряет Казань, Астрахань, Сибирь.

Не все складывается гладко в истории страны. Не всегда те, кому вверена ее судьба, выдерживают испытания властью, славой. И за это расплачивается русский народ лишениями и скорбями. Но во все времена он спасается крепкой верой и духом своих праведников.

© «Белый город»

Текст печатается по книге
«Родная старина. Отечественная история
в рассказах и картинах»
в соответствии с грамматическими нормами
современного русского языка.
Составил В.Д. Сиповский (СПб., 1879)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Москва и Литва

6

Княжение Василия I (1389–1425). Усиление Москвы. – Нашествия Тамерлана и Едигея Литва. Литовцы и верования их. – Литовцы и крестоносцы. – Гедимин. – Ольгерд и Кейстут. – Ягайло и Витовт

Княжение Василия II (Темного) (1425–1462) Усобицы между московскими князьями. – Флорентийский собор. – Падение Константинополя

Княжение Иоанна III (1462–1505). Падение Новгорода. – София Палеолог. – Конец татарского ига. – Уничтожение уделов. – Борьба с Литвою. – Церковные смуты. – Внутренние дела

Княжение Василия III (1505–1533). Отношение государя к боярам. – Падение Пскова и других уделов. – Войны с Литвою и татарами. – Церковные дела. – Семейные дела и смерть великого князя

Московия XV–XVI столетий по рассказам иностранцев. Страна. – Прием послов (Встреча на границе. Прием в Москве. Послы на государевом обеде. На охоте). – Власть государя. – Военное дело. – Нравы и обычаи. – Город Москва. – Промышленность и торговля

Грозный царь

162

Царствование Иоанна IV (1533–1584). – Правление Елены и бояр. – Детство царя Иоанна IV. – Венчание на царство Иоанна IV и первые годы его царствования. – Суд и управление. – Стоглав. – «Домострой». – Покорение Казани и Астрахани. – Книгопечатание в Москве. – Война со Швецией и Ливонией. – Удаление Сильвестра и Адашева. – Измена Курбского и переписка его с царем. – Послание Курбского. – Послание царя. – Александровская слобода и опричники. – Митрополит Филипп. – Разгром Новгорода и московские казни. – Войны с соседями. – Антоний Поссевин. – Покорение Сибири. – Последние годы царствования Грозного

Москва и Литва

Княжение Василия I (1389–1425)

Усиление Москвы. – Нашествия Тамерлана и Едигея

Литва

Литовцы и верования их. – Литовцы и крестоносцы. – Гедимин. – Ольгерд и Кейстут. – Ягайло и Витовт

Княжение Василия II (Темного) (1425–1462)

Усобицы между московскими князьями. – Флорентийский собор. – Падение Константинополя

Княжение Иоанна III (1462–1505)

Падение Новгорода. – София Палеолог. – Конец татарского ига. – Уничтожение уделов. – Борьба с Литвою. – Церковные смуты. – Внутренние дела

Княжение Василия III (1505–1533)

Отношение государя к боярам. – Падение Пскова и других уделов. – Войны с Литвою и татарами. – Церковные дела. – Семейные дела и смерть великого князя

Московия XV–XVI столетий по рассказам иноземцев

Страна. – Прием послов (Встреча на границе. Прием в Москве. Послы на государевом обеде. На охоте). – Власть государя. – Военное дело – Нравы и обычаи. – Город Москва. – Промышленность и торговля

Княжение Василия I (1389-1425)

УСИЛЕНИЕ МОСКВЫ

С начала XIV века Московская область все росла да росла. Как истые скопидомы, ничем не пренебрегая, ничего не упуская из виду, сколачивают себе мало-помалу достаток, так трудились и московские князья над собиранием Русской земли.

Казалось, они думали только о себе, старались всякими способами захватить новые города и земли, привлечь население и забрать одного за другим всех русских князей в свои руки. Быть может, московские государи сначала и помышляли о своих лишь выгодах, но тем не ме-

нее в их руках совершалось великое дело – собирание русских сил в одно целое. Дело это стало всенародным, потому так и шло успешно. В Московской области лучше, чем где-либо на Руси, жилось мирному промышленному люду, больше было тишины и порядка: в московских князьях народ привык видеть хороших, домовитых и расчетливых хозяев, которые себя не забывали, но и рабочих не теснили, и потому все, кому дорога была мирная, трудовая жизнь, кому ненавистны были вечные раздоры и усобицы

А. Васнецов
Старая Москва

*Великий князь Василий Дмитриевич
Царский титулярник*

мелких удельных князей, навлекшие столько беды на Русскую землю, словом, все более здоровые русские силы тянулись к Москве и охотно отдавались под сильную руку ее князей. Над собиранием русских сил трудились не только князья: им помогали и бояре, и духовенство; но более помог сам народ, сама земля Русская. И вот Москва, как сказочный богатырь, из этой земли и набралась силой могучею...

В конце XIV века Москва так окрепла, что Дмитрий Донской попытался стряхнуть с русских плеч татарское иго. На Куликовом поле была проба соединенных русских сил. Оказалось, что уж можно брать верх над Ордою; но совсем покон-

чить с нею было еще невмочь. Надо было еще подождать, еще набраться сил.

В 1389 году начал княжить сын Донского – Василий Дмитриевич. Год спустя после того как ханский посол посадил его на великое княжение, он уже едет в Орду, чтобы «примыслить» новые области. Приняли его в Орде так радушно и с такою честью, какой еще никто из русских и не видывал, словно не данник, а приятель и союзник приехал к хану. Дело в том, что хану в ту пору нужен был сильный и надежный союзник. Василию это было на руку: он уладил свои дела в Орде, купил у хана ярлык на Нижегородское княжество, несмотря на то, что там был свой князь – Борис Константинович.

Борис, когда проведал, какая напасть готовится ему, созвал своих бояр, напоминал им о крестном целовании, умолял их верою и правдою постоять за него.

– Не печалься, господин князь, – все мы тебе верны, готовы за тебя головы свои сложить и кровь пролить! – утешал Бориса старший из его бояр – Василий Румянец, утешал, а сам уже вел тайные переговоры с Василием Дмитриевичем

о выдаче ему своего князя: сильна была московская корысть – тянула к себе отовсюду служилых людей и бояр!

Возвращаясь из Орды, Василий отправил вперед, в Нижний, ханского посла со своими боярами. Борис хотел затворить пред ними городские ворота и не впускать их в город.

– Господин князь, – стал его уговаривать Румянец, – посол ханский и московские бояре едут сюда, чтобы скрепить с тобою мир и любовь, а ты ищешь вражды. Впусти их в город. Что они тебе сделают? – мы все с тобою.

Въехали бояре московские в город и тотчас приказали ударить в колокола. Собрался народ. Ему громогласно было

объявлено, что с этой поры Нижний принадлежит московскому великому князю.

Озадаченный Борис поспешно сзывает своих бояр.

– Господа мои и братья, милая дружина, – умоляет он, – вспомните крестное целование ваше, не выдавайте меня врагам!

Напрасны были мольбы...

– Не надейся на нас, – сказал изменник Румянец, – мы уже не твои и не с тобою, а на тебя!

Нашлось и кроме Румянца много доброхотов Москвы. Бориса схватили. Народ тоже, как видно, не прочь был подчиниться великому князю. Скоро он сам прибыл в Нижний и посадил здесь своего наместника, а князя Бориса, жену его, детей и сторонников его велел разослать по разным городам и держать под стражей.

Так примыслил себе Василий Димитриевич Нижний Новгород; по тому же ярлыку приобрел он Городец, Муром, Мещеру и Тарусу.

Дело не обошлось, впрочем, без борьбы: племянники Бориса и сыновья его добивались своей отчины, вербовали себе шайки бродячих татар и нападали на московские владения. Это была уже не война, а разбойничьи внезапные набеги.

Хищники татары беспощадно пустошили русские земли, творили всюду страшные зверства. Например, рассказывают о таком случае: в 1411 году татары и дружина Даниила Борисовича подкрались к городу Владимиру в ту пору, когда все жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и сожгли их, множество людей избили. В соборной церкви заперся священник; он собрал, сколько мог, драгоценных церковных вещей, спрятал все это в церкви, скрыл здесь и несколько человек, а сам стал со слезами молиться пред образом Богородицы. Татары прискакали к церкви и стали кричать, чтобы ее отперли. Священник стоял неподвижно и молился... Татары разбили дверь, ворвались в собор, содрали ризы с икон, ограбили всю церковь, а священника стали пытаться, доби-

Великий князь Василий Димитриевич.
1389 – 1425.

В.П. Верещагин *Великий князь Василий Димитриевич*

ваясь, где у него спрятаны казна и люди: ставили его на раскаленную сковороду, втыкали щепы под ногти, кожу сдирали – священник не вымолвил ни слова! Тогда привязали его за ноги к лошадиному хвосту, и несчастный погиб мученической смертью. Весь город после этого был пожжен и разграблен; жителей толпами погнали в плен. Всего награбленного татары взять не могли; чего не смогли унести, складывали в кучи и жгли; деньги делили между собою мерками. Колокола от пожара растопились. Город и окрестности наполнились трупами.

От таких внезапных разбойничьих набегов татар обороняться было очень трудно, и долго еще Русская земля страдала от них.

Попытался было Василий Димитриевич завладеть двинскими землями, принадлежавшими Новгороду, но это не удалось ему. Зато Псков он прибрал к рукам: псковитяне стали с этой поры принимать к себе князей по указанию великого князя московского. В Тверской области в это время начались смуты и усобицы между родичами, мелкими удельными князьями. Василий Димитриевич не преминул бы, конечно, воспользоваться этим и подчинить себе Тверь; но в ту пору ему было не до того.

НАШЕСТВИЯ ТАМЕРЛАНА И ЁДИГЕЯ

В то время, когда Кипчакская орда, к радости русских, слабела и разлагалась, страшная гроза чуть не обрушилась снова на Русскую землю. В Средней Азии явился новый могучий завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своею силою и жестокостью. Это был Тимур, или Тамерлан. Этот новый «владыка мира», как называли его, сплотив в одно целое разрозненные орды татар, привел в трепет всю Азию. Все земли от Аральского моря до Персидского залива, от Кавказских гор до пустынной Аравии подпали скоро власти Тимура.

*Чудотворный образ
Владимирской Божьей Матери
Хромолитография Ф. Солнцева*

– Друзья и сподвижники! – говорил он своим эмирам, собираясь напасть на Индию, – счастье, благоприятствуя мне, призывает нас к новым победам. Мое имя привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии для нас открыты. Сокрушу все, что дерзнет мне противиться!

Страшная сила Тимуровой орды давила все, что встречалось на пути. Могучий турецкий султан Баязет попробовал было сдержать завоевательное стремление этого «владыки мира» и был раздавлен его силою на Ангорских полях. На местах побоищ Тимур приказывал складывать горы из черепов истребленных им людей. Лучшего памятника его страшным делам и не выдумать!

С этим-то ужасным «истребителем людей», держащим, по его словам, судьбу в своих руках, отважился бороться хан Кипчакской орды – Тохтамыш и в 1395 году на берегах Терека был разбит и должен был бежать. Тимур перешел Волгу и вступил в наши юго-восточные пределы... Весть об этом поразила ужасом всю Русскую землю. Молва о несметных полчищах Тимура, о его свирепости и погромах широко и быстро разносилась в народе и ужасала всех.

Великий князь, однако, не потерялся: он немедленно велел собираться войску и во главе многочисленной рати стал на берегу Оки, на границе своих владений, готовый встретить врага. Это ободрило народ. Для того чтобы поднять дух испуганных москвичей, великий князь приказал перенести из Владимира чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреем Боголюбским. В то самое время, когда митрополит, духовенство, наместник великого князя в Москве князь Владимир Андреевич Храбрый и толпа народа встречали икону, Тимур дошел до города Ельца и, разорив его, двинулся со своим полчищем обратно в Азию. Наступала уже осень с ее непогодами, да притом Тимура не могли особенно привлекать бедные северные края... Вдохнул свободно русский народ; спасение от страшного погрома он видел в небесной помощи. Церковь наша

установила праздник Сретения Богоматери, 26 августа. С этого времени образ этот остался в Москве, в Успенском соборе.

Золотая Орда после погрома казалась совсем не опасной великому князю. Он по совету молодых бояр стал действовать решительнее. Несколько ханов сменилось в Орде, а Василий и не думал ехать туда на поклон, даже и посольства не посылал. Когда требовали от него дани, он отговаривался тем, что земля его так оскудела людьми, что и дань не с кого брать; а между тем она собиралась, но шла в казну великокняжескую. Над послами ханскими и гостями ордынскими стали уже посмеиваться в Москве.

В то время в Орде заведовал всеми делами князь Едигей. Терпел он долго пренебрежение Москвы, наконец решился напомнить московскому князю о себе; но уже смелости напасть явно на Москву у татар не хватало. Едигей дал знать в 1408 году Василию, что хан со всей Ордой хочет ударить на Литву, а сам внезапно, к ужасу москвичей, устремился с огромными силами к Москве. Застигнутый врасплох Василий не успел изготовиться к отпору. Он оставил своего дядю, Владимира Андреевича Храброго, и братьев защищать столицу, а сам удалился в Кострому, надеясь, что Москва, с ее крепкими стенами и пушками, продержится долго, а тем временем ему удастся собрать войско. Владимир Андреевич сжег посады вокруг Кремля, чтобы не дать прикрития татарам, и изготовился к бою. Татары в конце ноября осадили Кремль; но приступы делать опасались. Между тем татарские шайки рассыпались по областям великокняжеским; начались обычные ужасы опустошения: города и села татары выжигали, церкви и монастыри грабили, попавшихся в плен убивали или угоняли толпами в неволю. Но Москвы взять не удалось Едигею. Он окружил ее и думал заморить защитников голодом. К счастью русских,

Л. Ильцен
Оборона Московского Кремля

в Орде в это время случилась беда: какой-то татарский царевич напал на хана, и он звал к себе Едигея как можно скорее на помощь. Три недели уже Москва была в осаде; хлебные запасы стали истощаться, и защитникам грозил голод; как вдруг Едигей предложил снять осаду, если ему дадут откуп. Осажденные с радостью уплатили три тысячи рублей, и татарские полчища отступили от Москвы. Вся Русская земля поле набега Едигея от Дона до Белоозера была страшно разорена; целые области

А. Васнецов
Гонцы. Утро в Кремле

запустели. Кто избавился от смерти сам, тому пришлось оплакивать смерть близких людей и гибель своего имущества.

Уходя из русских владений, Едигей отправил великому князю следующее письмо: «Великий хан послал меня к тебе с войском, узнав, что дети Тохтамышевы (враги хана) нашли убежище в твоей земле. Ведаем, что происходит в областях московских: вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самих послов ханских поднимаете на смех. Так ли водилось прежде? Спроси у старцев. Русская земля была нашим верным улусом: держала страх, платила дань, чтילה послов и гостей ордынских. Ты не хочешь знать этого – и что же делаешь? Когда Тимур (Кутлук) сел на царство, ты не видел его в глаза, не прислал к нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Шадибек 8 лет властвовал; ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год; ты, старейший князь в русском улусе, не являешься в орду! Все дела твои недобрые. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Федор Кошка и напоминал тебе о ханских благодеяниях. Ныне недостойный его сын Иван –

казначей и друг тебе; что скажет, тому и веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что же вышло? – разорение твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? Призови в совет старейших добрых бояр, пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, чтобы не погибла конец твоя держава. Все писанное тобою к ханам о бедности русского народа – ложь: мы ныне сами видели твой улус и узнали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох. Куда же идет серебро? Земля Русская осталась бы цела и невреди-

ма, когда бы ты исправно платил ханскую дань; а ныне бегаешь как раб! Размысли и научись!».

Из укоров и жалоб этого письма видно, как сильно уже изменились отношения московского князя к Орде.

Много еще беды русским могли причинить татары; но уже ясно было видно, что владычеству их над окрепшей Русской землей приходит конец. Внезапные нападения их начинали походить все больше и больше на разбойничьи набеги, а дань княжеская обращалась в подачку хищникам, чтобы откупиться от их разорительных набегов.

Опаснее татар для Москвы становился западный сосед ее – Литва. В то время как московские князья собирают разрозненную северо-восточную Русь в одно целое, такое же стремление обнаруживают литовские князья, захватывая юго-западные русские земли в свои руки. Столкновение Москвы с Литвой должно было произойти рано или поздно. Василию Димитриевичу уже пришлось три раза выводить свои войска против тестя своего литовского князя Витовта, но до войны дело не дошло.

Литва

ЛИТОВЦЫ И ВЕРОВАНИЯ ИХ

Небольшое литовское племя, как известно, издавна занимало долину реки Неман, распространяясь отсюда по Балтийскому поморью на юг до нижнего течения Вислы, к северу – далее Западной Двины. В X–XI веках это племя распадалось на несколько народцев: летгола (латыши), жемгала, корсь, жмудь, литва (это имя сделалось потом общим для всего племени), пруссы и ятвяги.

Разделившись небольшими поселками в бедной местности среди дремучих лесов да топких болот и мелких озер, эти народцы мало сносились с другими племенами и долго хранили свои старозаветные нравы и обычаи, сроднившись с мрачными и заповедными своими рощами.

До XIII века даже вовсе и не упоминается о городах литовских. Говоря о походе Болеслава III на пруссов, 1110 года, одна хроника говорит: «Болеслав вошел в их землю зимою по льду замерзших озер и болот, представлявших единственный путь в их страну; но, переправившись через озера и болота и достигнув населенной страны, он не мог остановиться на одном месте, не мог занять ни замков, ни городов, которых там вовсе нет, ибо страна защищена только естественным местоположением своим, составляя острова среди озер и болот».

Другой хроникер, говоря о походе на ятвягов (1192 год), так отзывается о них: «Народ жестокий и более свирепый, чем дикие звери; страна их недоступна по причине обширных пущ, непроходимых лесных дебрей и вязких болот». Поляки, ворвавшись в страну эту, «предавали пламени храмы, мызы, села, возвышавшиеся здания и житницы, наполненные

хлебом. Городов же у них нет; они, подобно диким зверям, незнакомы с городскими стенами».

До XIII века не было у литовского племени и сколько-нибудь определенного государственного строя. Упоминаются вожди, которые были, вероятно, не более как старшинами отдельных волостей. Волости эти не были связаны между собой общей государственной властью; каждая из них и каждый вождь действовали по своей воле.

Общие нравы, обычаи, язык и особенно верования – вот что поддерживало племенную связь между разрозненными поселками народцев литовского племени.

Литовцы, как и славяне, верили в верховное божество, подобное славянскому Сварогу, богу неба, отцу богов. Оно, по понятию литовцев, жило на небе, в великолепных чертогах, откуда созерцало весь мир и направляло его жизнь, но больше всего наслаждалось божественным покоем. Особенного общественного богослужения в честь этого верховного бога у литовцев не было.

Кроме этого божества, литовцы признавали множество богов и богинь. Наиболее выделялись из них следующие: Перкунас (славянский Перун) – могучий громовержец, Поклус – бог ада (пекла) и Атримпос – бог воды.

Главное место богослужения, так называемое Ромново (что значит место покоя и благочестия), устраивалось в роще у большого дерева. Под ветвями векового дуба стоял здесь идол Перкуна, изображавший мощного мужа с кремнем в руке; с одной стороны его ставили Поклуса в виде безобразного старца, держащего черепа человеческий и животных, а с другой – Атримпоса,

Литовский бог Перкунас

Литовцы из окрестностей Вилкомира

представлявшего юношу с чашей воды, прикрытой снопом; в чаше находилась змея. Змеи (ужи) хранились также в пне священного дуба.

Пред идолом Перкуна помещался алтарь, на котором пылал неугасимый священный огонь – Знич. По сторонам расположены были жилища жрецов. Все священное место окружалось стеною; над воротами, у главного входа в Ромново, высилась башня, где жил главный жрец. Меньшие священные места были по разным областям, и там, а равно и в домах, чествовались меньшие боги, которых, по верованиям литовцев, было великое множество.

Литовцы верили в загробную жизнь, где надеялись наслаждаться всевозможными благами и владеть всем, что им было дорого на земле. При погребении умерших с ними сжигали все, что было у них лучшего, – утварь, дорогие украшения, оружие, коня, а нередко и любимого слугу...

Главный верховный жрец назывался криве-кривейто, то есть жрец жрецов. Он избирался из среды других жрецов – кривейтов. Редко кому из простых смертных доводилось его видеть. Жил он в таинственном уединении в упомянутой

башне, наблюдал за движением звезд и других небесных светил, определял времена года, считая по лунным месяцам, старался прочесть на небе волю богов и выразить ее в судебных приговорах и при особенно торжественных жертвоприношениях. Одежанием своим верховный жрец отличался от других жрецов – высоким остроконечным колпаком и белым поясом, опоясанным семь раз семь (то есть 49 раз). Как верховный, так и все второстепенные жрецы должны были вести безбрачную жизнь. Ниже кривейтов стояли вайделоты, самый многочисленный класс жрецов. Они поучали народ, возвещали ему волю криве-кривейто. Они оказывали сильное влияние на народ, могли возбудить его и направить на то или другое дело: войны, на которые они поднимали народ по воле верховного жреца, отличались необычайной жестокостью. Как среди литовских божеств были женские, так и между жрецами были жрицы-вайделотки. Это были девы, обязанные отказаться навсегда от замужества: они должны были поддерживать на алтаре неугасимый огонь – Знич. Если же он погасал по недосмотру вайделотки, то виновная сжигалась, а огонь вновь добывался из кремня, который был в руке Перкуна.

ЛИТОВЦЫ И КРЕСТОНОСЦЫ

Разрозненные литовские волости, связанные между собою лишь племенной связью да властью могущественного криве-кривейто, вероятно, долго еще не составили бы сильного государства, если бы исторические обстоятельства не помогли этому. Пока соседями литовцев были славяне, то есть русские и поляки, то столкновения с ними, взаимные нападения не обращались в постоянную истребительную войну: походы русских и польских князей на Литву ограничивались временным разорением пограничных поселков да собиранием дани, а вторжения литовцев в русские или польские пределы были мелкими набегами ради грабежа и добычи... Но с начала XIII века дело изменилось. На границах литовской земли появился новый грозный сосед – немцы.

В 1201 году, как известно, немцы стали твердой ногой при устье Западной Двины, основали тут город Ригу, и орден меченосцев начал свою работу – завоевания и порабощения туземцев под видом просвещения их христианством; а лет тридцать спустя явилась новая община монашествующих рыцарей – Тевтонский орден. Один из польских князей, Конрад Мазовецкий, призвал их на помощь против пруссов, доведенный до отчаяния частыми опустошительными набегами последних. Тевтонский орден получил свое окончательное утверждение в 1192 году, во время последних отчаянных попыток христиан удержаться в Палестине. Рыцари этого ордена носили черную тунику и белый плащ с черным крестом на левом плече. Они, кроме обычных монашеских обязанностей, давали обет биться беспощадно с врагами веры Христовой и ухаживать за больными; только немцы благородного дворянского происхождения принимались в эту общину. Хотя эти бойцы прославились своими подвигами на Востоке, но они ясно видели, что им не удержаться там, и потому предложение Конрада Ма-

зовецкого пришлось им по душе: пред ними открывалось широкое поприще для подвигов, притом поближе к родине. Послы Конрада в 1225 году предложили магистру ордена во владение область Хелмскую, или Кульмскую, с тем чтобы он обязался за это защищать польские владения от язычников-прусов. Император Фридрих II согласился предоставить тевтонам сверх того и все земли, какие они отнимут от пруссов, но в зависимости от него, императора. В 1230 году дело было окончательно слажено, и орден с магистром Германом Балком во главе начал свою деятельность.

В 1231 году появились на Висле впервые суда этих новых воителей – крестоносцев. Они высадились на правом берегу, как раз там, где раскинул ветви священный дуб пруссов, и воздвигли здесь крепость Торн. Напрасно язычники напрягали все силы, чтобы изгнать дерзкого нарушителя святыни, – крепость устояла. Шаг за шагом подвигались немцы в землю пруссов; городки прусских старшин падали один за другим под мечами рыцарей, а взамен вырастали грозные немецкие замки... Пробовали пруссы в чистом поле отчаянным боем (на берегах реки Сиргуны) сломить рыцарей. Напрасно! Военское искусство было на стороне последних, и пруссы, превосходившие тевтонов почти вдвое, были разбиты.

Рыцари, занимая страну, не только строили крепости или замки, но привлекали разными льготами немецких колонистов; воины, приходившие из разных стран помогать ордену в священной войне, получали от него земельные участки, на которых сооружали новые замки; туземцы (прусы), уцелевшие от истребления, или бежали в Литву, или принуждались креститься и подчиниться власти новых господ. У них отбирали детей и посылали их учиться в Германию с тем, чтобы потом, возвратившись на родину молодыми людьми, воспитанными в духе христианства, они помогали распространять его среди своих соплеменников. Словом, немцы действовали

Сцена из рыцарских времен

тут, как всегда, с присущей им настойчивостью и последовательностью. Как ни злобились пруссы, как отчаянно ни противились тевтонам, но, раздробленные, не имевшие общего вождя, не могли устоять... Зато далее на востоке орден встретил сильный отпор от Литвы, во главе которой теперь стоял князь, способный бороться, где можно – силою, где надо – хитростью, понимавший, что для борьбы с немцами – сильным врагом всех литовских племен – необходимо их сплотить в одно целое. Это был Миндовг, по словам современников, «хищный, как волк, и хитрый, как лисица». Ему пришлось вести войну и на севере с Ливонским орденом, от которого он хотел оборонить жителей Курляндии и подчинить их своей власти, и на юге – с Даниилом Романовичем Галицким, да вдобавок надо было еще бороться с родичами. Справиться со всеми врагами внешними и внутренними было Миндовгу не под силу. Тогда он, чтобы склонить в свою пользу ливонского магистра, выразил желание принять христианство и действительно крестился. Обрадованный папа прислал в 1252 году королевскую корону Миндовгу, который выставлял себя покорным сыном его, святейшего отца, а пред рыцарями рев-

ностным христианином, даже завещал ордену всю свою Литву в случае бездетной смерти. Но все это было только ловкой игрой, чтобы провести врагов: он оставался в душе закоренелым суеверным язычником. «Крещение его было льстиво, – говорит летопись, – втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если заяц перебежит дорогу, когда он выезжал в поле, то уже ни за что не войдет в лес, не посмеет и ветки сломить там». Обманувши ливонцев своим притворством, Миндовг собрался с си-

лами и с большим полчищем литовцев вторгся в 1259 году в Курляндию и разгромил там рыцарские владения. Отряд тевтонских рыцарей прибыл, чтоб отразить литовцев, но был разбит наголову. Блестящую победу эту литовцы торжественно отпраздновали по-своему – сожжением пленных рыцарей в жертву своим богам...

Эта победа была знаком к общему восстанию. Оно вспыхнуло повсюду в 1260 году в заранее назначенный день. Горе было христианам, не успевшим укрыться в замках и лесах! Их беспощадно избивали или забирали в неволю, жилища их обращали в пепел. Миндовг теперь решил действовать открыто: отрекся от христианства и королевского титула, вторгся в Пруссию и нещадно опустошил ее. Два раза рыцари, получивши подкрепление из Германии, вступали в кровавый бой с восставшими и оба раза терпели решительное поражение. Только незначительную часть Пруссии удалось рыцарям удержать за собой, да и ту приходилось с трудом отстаивать от беспрерывных набегов язычников.

Казалось, дело тевтонских рыцарей было окончательно проиграно; но вышло не так. Орден постоянно пополнялся новыми крестоносцами; отряд за

отрядом являлись они с юга и запада, особенно когда усиливались военные действия, и потому во время войны силы рыцарей не слабели, а росли; силы же язычников значительно убывали. Притом, по смерти Миндовга, начались в Литве беспрерывные смуты и усобицы; а рыцари по-прежнему неуклонно и неумолимо добивались своей заветной цели – завоевания Пруссии, и в 1253 году она была покорена после полувековой упорной борьбы.

Покончив с Пруссией, тевтонские рыцари принялись снова за Литву. Конец XIII века и первые годы XIV века прошли в опустошительных набегах литовцев на владения ордена и рыцарей на Литву. Последние сильно добивались того, чтобы утвердиться на берегу Немана; но походы рыцарей, и сухопутные, и речные, были для них неудачны, а порой и губительны.

С каким упорством и отчаянием боролись литовцы против немецкого владычества, ясно показывает такой случай. В 1336 году большие силы явились на помощь ордену. Великий магистр воспользовался этим, двинулся в Литву и осадил Пунэ (Поланген), острожек, куда укрывались на время опасности литовцы, делавшие набеги на владения ордена. На этот раз около четырех тысяч народу из окрестностей искало здесь спасения. Скоро оказалось, что самая отчаянная оборона не спасет осажденных. Немцы были гораздо сильнее литовцев числом, таранами разбили часть стены, которая во многих местах грозила рухнуть от подкопов; множество из осажденных было

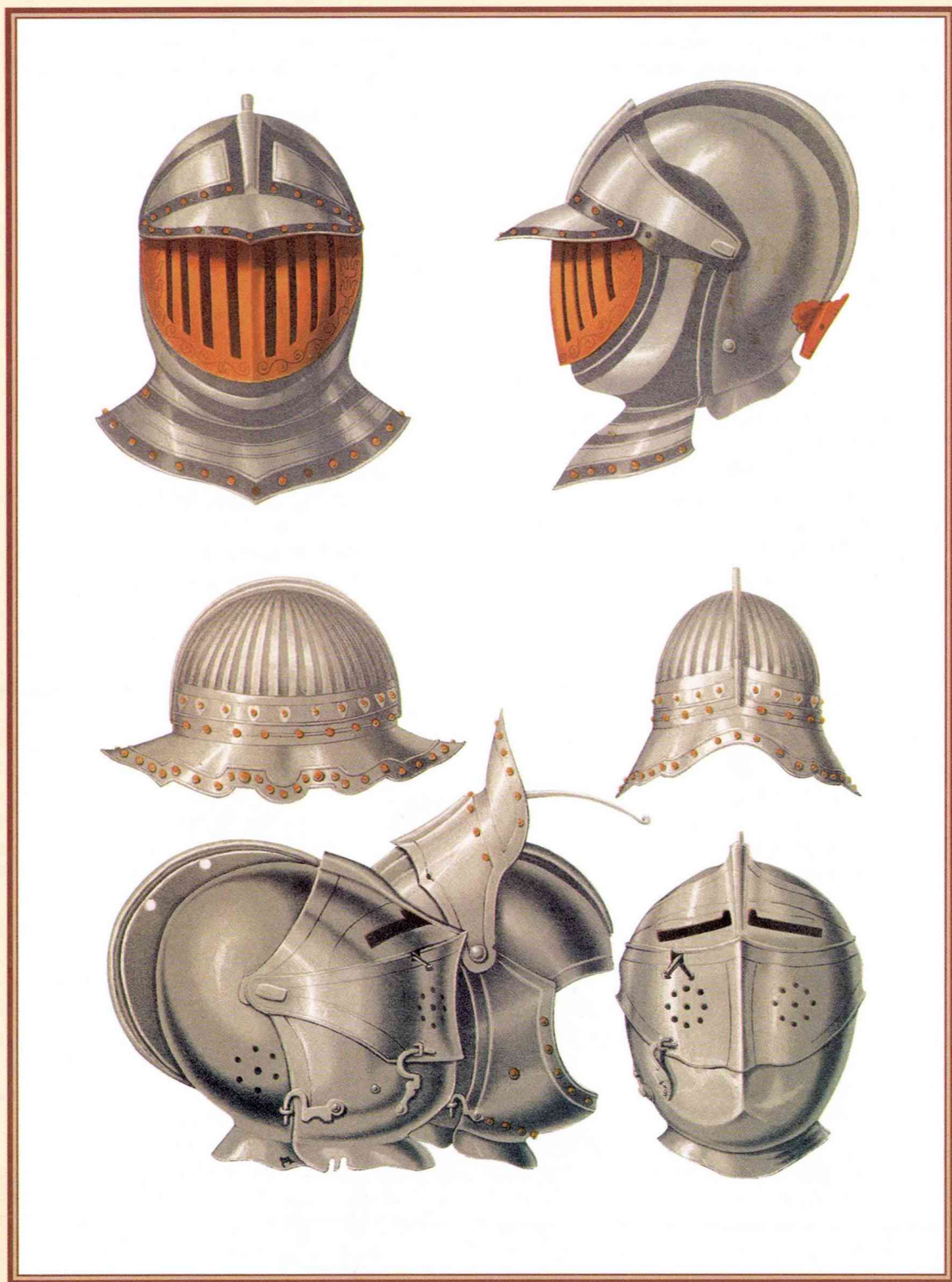
убито и погребено во время вылазок; почти все способные к бою литовцы были переранены. Вдобавок немцам удалось зажечь стену. Сдача крепости стала неизбежной. Но смерть литовцам была милее немецкой неволи. Они сами перебили своих жен и детей, сложили их трупы на огромный костер среди крепости, зажгли его, а затем стали убивать друг друга. Начальник крепости Маргер умертвил собственноручно большую часть товарищей, поклявшись, что после истребления их лишит и себя жизни; ему помогла в этом деле одна старуха, которая отрубила топором головы сотне воинов, а затем покончила и с собою – ввиду ворвавшихся в крепость врагов. Маргер сдержал свою клятву; с горстью отчаянных храбрецов, не успевших еще пасть от его руки, он бился до последней крайности с ненавистным врагом, и когда все товарищи его пали, кинулся в подземелье, где скрыл свою жену, убил ее, а затем и самого себя. Мертвым мол-

чанием встретил городок своего торжествующего врага, и груды тел литовских бойцов, предпочитавших смерть немецкому плену, красноречиво говорили, с какой свирепой злобой смотрели суровые литовцы на своих закованных в железо поработителей.

Постоянная и упорная борьба с немцами закалила еще сильнее и без того суровый нрав литовцев, заставила их более сплотиться и развила в них воинственность. Подаваясь под напором сильных западных и северных соседей, рыцарских орденов, литовцы направили свои силы на русский восток. Западные русские области,

Вооружение немецкого рыцаря в начале XV века

Ф. Солнцев
Шлемы литовские и ливонские

обессиленные удельной рознью, а затем татарским погромом, представляли для воинственных литовцев легкую добычу, тем более что многим русским могло казаться легче подчиниться соседнему и родственному племени, чем сносить иго алчных татар.

В XIII веке упоминаются в летописях нападения литовских вождей на соседние русские области (Полоцк, Туров, Пинск и другие) с целью овладеть землей, а Миндовг уже утверждает свою власть на Русской земле в Новгороде и стремится завладеть другими соседними уделами и основать обширное Литовско-Русское государство. Из летописи видно, что уже в половине XIII века к Новгородскому княжению принадлежали города: Волковыск, Слоним, Здитов и Гродно (так называемая Черная Русь); что пинские князья признавали над собой верховную власть Миндовга. Еще раньше племянники его, при содействии его, утвердились в Полоцке, Витебске и в земле Смоленской. Борьба Миндовга с Даниилом, который, конечно, не мог смотреть равнодушно на захваты русских земель, кончилась для Литвы благополучно. Сын Миндовга Войшелг помирил отца с Даниилом, выдал сестру свою замуж за Шварна, сына Даниила; а другому его сыну, Роману, отдала была в управление вся Черная Русь, но в зависимости от Миндовга.

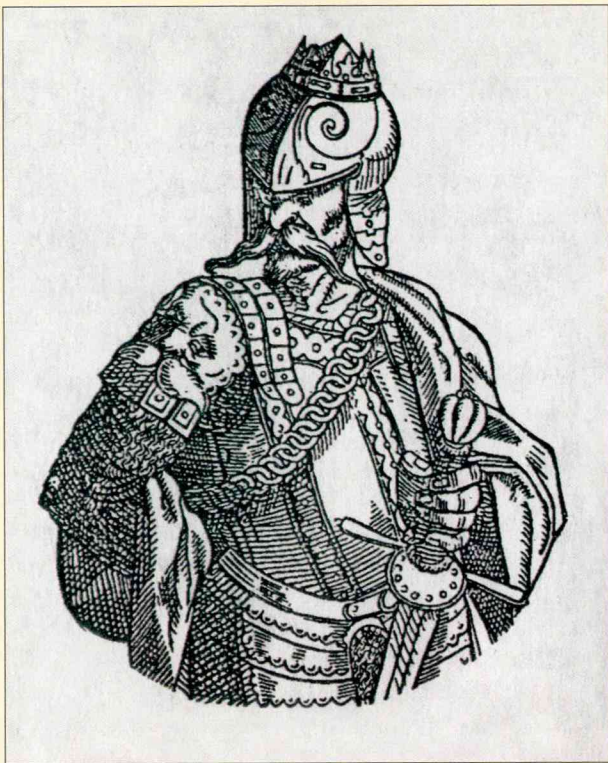
В 1263 году не стало Миндовга: состоялся заговор нескольких князей, и он был убит. Беспощадным мстителем явился Войшелг. Он еще при жизни отца постригся в монахи; но теперь, пылая чувством мести к убийцам отца, он снял с себя монашеские ризы и насытил свое чувство свирепой мстостью: избил всех участников заговора (одному из них, знаменитому Довмонт, удалось спастись в Пскове и послужить этому городу верой и правдой). Расправившись с врагами, Войшелг опять удалился в монастырь, отдав Литву Шварну, после которого (1267 год) опять идут в Литве споры и раздоры около трех лет. Наконец выбирают в великие князья Трой-

дена, а после него княжит Витен. Обоим этим князьям приходится вести борьбу с галицким князем Львом за обладание Литвой.

В 1316 году становится великим князем литовским брат Витена Гедимин, истинный основатель могущества Литвы.

ГЕДИМИН

Гедимин был таким же собирателем юго-западной Руси, каким был Иван Калита относительно северо-восточной. Сверх нескольких русских областей, попавших раньше под власть литовского князя, мы видим, что князья минские, туровские и пинские сначала делаются подручниками Гедимины, а потом уделы их были просто присоединены к Литве. Независимо существовать мелкие русские области, соседние с Литвой, конечно, не могли: Киев, Владимир-Волынский, Полоцк уже не могли больше служить опорой, и потому естественно приходилось искать защиты у сильного литовского князя. Гедимин, как искусный и дальновидный политик, действовал очень умно: он выказывал постоянно большое расположение к русским, не оскорблял их народного чувства, проявлял склонность к православному веру. Русских князей, переходивших в его подручники, он обыкновенно высоко чтил, предоставлял им управление их прежними областями. Оставаясь язычником, Гедимин был два раза женат на русских и православных женах. Своим детям он не только охотно разрешал вступать в браки с христианами, но даже позволял креститься. Благодаря этому было заключено несколько браков, весьма выгодных для Литвы. Сына своего Ольгерда Гедимин женил на дочери витебского князя, не имевшего сыновей (после его смерти в 1320 году Ольгерду достался Витебский удел), другого сына, Любарта, женил на дочери последнего волынского князя, после смерти которого Волынь досталась Любарту в 1325 году. Затем одну свою дочь

Великий князь литовский Гедимин

Гедимин выдал за великого князя московского Симеона, другую за тверского князя, третью за сына польского короля, четвертую за мазовецкого князя и в лице двух последних зятей приобрел себе надежных союзников в борьбе против общего врага – немецких крестоносцев. Литовские и польские ополчения нанесли несколько очень чувствительных ударов Тевтонскому ордену. Ливонский орден в это время враждовал с городом Ригою и рижским архиепископом. Уже предшественник Гедимины Витен вступил в союз с Ригою и поддерживал ее в борьбе с орденом. Той же политики держался и Гедимин. Его веротерпимость и доброе отношение к рижскому архиепископу, с которым он вел переписку через католических монахов (в это время в литовской столице, Вильне, было уже два католических монастыря), подали повод думать, что он не прочь принять крещение. До сведения папы было доведено, будто бы Гедимин даже изъяв-

лял готовность креститься, в подтверждение чего посылались и его послание к папе. Папа обрадовался и дал приказ Ливонскому ордену прекратить войну с Литвою, а в следующем 1324 году явились папские легаты в Ригу, и отсюда было отправлено посольство к Гедимину, чтобы условиться насчет введения христианства в Литве. Гедимин очень удивился, потребовал, чтобы ему было прочтено его послание к папе, которое по его поручению писал монах Бертольд, и заявил:

– Я не приказывал этого писать. Если же брат Бертольд написал, то пусть ответственность падет на его голову... Если когда-либо имел я намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит! Я действительно говорил, как написано в грамоте, что буду почитать папу как отца; но я это сказал потому, что он старше меня: всех стариков, и папу, и рижского архиепископа, и других я почитаю как отцов; сверстников своих люблю как братьев, а кто моложе меня, тех готов я любить как сыновей. Я говорил действительно, что дозволю христианам молиться по обычаю их веры, русинам по их обычаю и полякам по своему; сами же мы будем молиться Богу по нашему обычаю. Ведь мы почитаем одного Бога».

Эти слова показывают нам и веротерпимость Гедимины, и вместе с тем осторожность настоящего политика; он резко и решительно отрекается от приписанного ему намерения креститься. Понятно почему: литовцы были еще вполне преданы своей языческой вере; жрецы имели большую силу в народе, и проявил Гедимин склонность переменить веру – он, конечно, утратил бы и доверие, и преданность своих литовцев.

Гедимин заботился о заселении своей страны и водворении в ней европейской промышленности: он призывал переселенцев с Запада, давал им всякие льготы. По западной и северной границам Литвы и Жмуди построены были крепкие замки. Явилось немало новых поселков в стране, возникли два новых

и значительных города: Троки и Вильно, основание которых приписывают Гедимину. В этих двух городах он и жил попеременно, наконец столицей великого княжества Литовского стала Вильно. Здесь было главное святилище литовцев – Ромново, и понятно, что Гедимин, желавший пользоваться содействием всемогущего криве-кривейто, устроил себе столицу как бы нераздельно с важнейшей литовской святыней; но веротерпимость Гедимина и тут ясно сказалась: при нем был воздвигнут в Вильне православный храм Святого Николая и водворились два католических монастыря: францисканский и доминиканский. Конечно, умный князь должен был ясно сознавать превосходство христианства над язычеством; но принять христианство от католиков значило вооружить против себя и язычников-литовцев, и русских подданных, а обратиться к православию – значило опять-таки отвратить от себя язычников и вместе с тем нажить крайнюю вражду от немцев-католиков. Гедимин предпочел, оставаясь, по-видимому, ревностным язычником-литвином, в то же время оказывать покровительство христианам без различия вероисповедания, причем католики, страстно желавшие его обратить в свою религию, все еще могли не терять надежды, что это со временем им удастся. Родственные связи, конечно, должны были его склонять в пользу православия, тем более что большинство его подданных были русские.

Русские земли, входившие в состав его владений, по крайней мере вдвое превосходили пространством собственно литовские; в дружине великого князя было очень много русских, да и новая столица Гедимина, Вильно, является в значительной степени русским городом.

Древний герб города Вильно

Все это давало Гедимину право называться великим князем литовским и русским.

Этот великий собиратель Литовско-Русского государства погиб в борьбе со злейшими врагами Литвы – тевтонскими рыцарями. При осаде одного немецкого замка он был убит. Тело его было отвезено в Вильно и здесь, подле города, на громадном костре было сожжено по древнелитовскому обычаю: в торжественной одежде и полном вооружении вместе с любимым слугою и конем, с тремя пленниками-немцами и с частью военной добычи.

ОЛЬГЕРД И КЕЙСТУТ

Внезапно погибший Гедимин не успел, вероятно, назначить себе преемника. При жизни он раздавал земли своим сыновьям на правах удельных князей; осталось после него семь сыновей, и неизвестно, почему младший его сын Явнут является обладателем Вильно и нескольких других больших городов. Пользоваться правами великого князя в глазах своих старших братьев он, без сомнения, не мог, и потому можно было опасаться распада Литовского княжества на несколько мелких уделов и усобиц их между собой. Это было бы, конечно, очень кстати для врагов Литвы: польского короля, который хотел завладеть Вольной, и особенно для двух немецких орденов.

К счастью для Литвы, неопределенное и смутное время длилось всего около пяти лет. Двое наиболее даровитых и предприимчивых из сыновей Гедимина – Ольгерд и Кейстут, сыновья одной матери и притом очень дружные между собой, спасли Литву от беды.